

Двадцатый век: от России до России

Календарь и история: короткий XX век

Понятие «век» многозначно. «Усердней с каждым днем гляжу в словарь. ⟨...⟩ Читаю: „Век. От века. Вековать. / Век доживать. Бог сыну не дал веку. / Век заедать, век заживать чужой...“» (С. Маршак. «Словарь»).

Важно видеть различие между *календарным* и *историческим* понятиями века. Календарные века (столетия) равны между собой, исторические века (эпохи) определяются переломными событиями и могут быть короче или длиннее века календарного.

Начало XIX века в России почти совпало с календарем: с восшествием на престол Александра I (1801) началась новая эпоха. Европейские историки начинают свой век десятилетием раньше, с Великой французской революции (1789–1794).

В отличие от века девятнадцатого, календарную границу XX века тоже заметили и отметили. В начале 1901 года М. Горький пишет знакомому: «Новый век я встретил превосходно, в большой компании живых духом, здоровых телом, бодро настроенных людей. Они — верная порука за то, что новый век — воистину будет веком духовного обновления. Вера — вот могучая сила, а они — веруют и в незыблемость идеала, и в свои силы твердо идти к нему. Все они погибнут в дороге, едва ли кому из них улыбнется счастье, многие испытают великие мучения, — множество погибнет людей, но еще больше родит их земля, и — в конце концов — одолеет красота, справедливость, победят лучшие стремле-

ния человека» (К. П. Пятницкому, 22 или 23 января / 4 или 5 февраля 1901 г.).

Люди девятнадцатого столетия.

Как они спешили расстаться со своим веком!

Как потом жалели об этом...

Однако исторический XIX век окончился почти на полтора десятка лет позже календарного. Границей между эпохами, началом Настоящего Двадцатого Века, о котором писала А. А. Ахматова, стала Первая мировая война (1914).

Последний исторический рубеж (рубец) образовался сравнительно недавно. Его определили такие события, как разрушение Берлинской стены и воссоединение Германии, исчезновение Советского Союза, окончание холодной войны и возникновение нового мирового порядка.

Таким образом, на фоне *длинного XIX века* историки говорят о *коротком XX веке*. Он продлился всего три четверти столетия (1914–1991). В русской истории в него поместились две мировые войны и война Гражданская, три (или четыре) революции, коллективизация и полеты в космос.

На рубеже 1980–1990-х годов мировые конфликты, определившие атмосферу XX века, казалось, были решены, прежние угрозы — исчезли. Популярным стало определение «*конец истории*». Многие философы и социологи утверждали: трагическая история XX века завершилась, начинается долгий период мирного, эволюционного развития, которое трудно назвать историческим в привычном смысле. «История прекратила течение свое», — как будто пародировал подобные теории столетием раньше М. Е. Салтыков-Щедрин.

Но реальная история быстро отомстила благодушным историкам. «Конец истории» продлился всего десятилетие. 11 сентября 2001 года весь мир в ужасе смотрел на одну и ту же телевизионную картинку: захваченные террористами самолеты врезались в небоскребы Всемирного торгового центра, одного из символов США.

Эти события заставили говорить о начале «настоящего XXI века», который будет определять *«конфликт цивилизаций»*. Началась новая эпоха, история снова двинулась в неведомое будущее, возникли новые мировые конфликты и проблемы, свидетелями или участниками которых окажутся люди XXI века.

Короткий XX век после двух десятилетий исторического промежутка, эпохи без имени, вдруг стал не только календарным, но и историческим прошлым. Появилась возможность посмотреть на него как на завершённую эпоху.

Россия: последние годы императорской власти

Есть два непримиримых взгляда на последние десятилетия императорской России. «В стране все шло хорошо и правильно, она быстро двигалась по европейскому, буржуазному пути и лишь случайные обстоятельства и большевистский переворот помешали этому эволюционному развитию», — считают одни историки.

«Нет, революция была неизбежна, ее истоки лежат в незавершённой реформе 1861 года и даже глубже — в петровских преобразованиях, расколовших страну на два непримиримых культурных класса», — возражают другие.

«Как две обезумевших лошади в общей упряжи, но лишённые управления, одна дергая направо, другая налево, чураясь и сатанея друг от друга и от телеги, непременно разнесут ее, перевернут, свалят с откоса и себя погубят, — так российская власть и российское общество, с тех пор как меж ними поселилось и все разрасалось роковое недоверие, озлобление, ненависть, — разгоняли и несли Россию в бездну. И перехватить их, остановить — казалось, не было удалца.

И кто теперь объяснит: где ж это началось? кто начал? В непрерывном потоке истории всегда будет не прав тот, кто разрежет его в одном поперечном сечении и скажет: вот здесь! все началось — отсюда!

Эта непримиримая рознь между властью и обществом — разве она началась с реакции Александра III? Уж тогда не верней ли — с убийства Александра II? Но и то было седьмое покушение, а первым — каракозовский выстрел.

Никак не признать нам начало той розни — позднее декабристов.

А не на той ли розни уже погиб и Павел?

Есть любители уводить этот разрыв к первым немецким переодеваниям Петра — и у них большая правота. Тогда и к соборам Никона», — иронически воспроизводит спор «кто первый начал» А. И. Солженицын («Красное колесо». Узел второй. «Октябрь шестнадцатого», гл. 7. «Кадетские истоки»).

Если верить русской литературе, вторая точка зрения выглядит более обоснованной. Революцию ожидали, предвидели, боялись, о ней предупреждали много лет, но она все равно приближалась с угрожающей скоростью.

Царствование последнего русского императора Николая II (1894–1917) было наполнено многочисленными предзнаменованиями и катастрофическими событиями. Неожиданно вступив на престол в 26 лет (полный сил отец, Александр III, умер внезапно, хотя мог «подморазивать Россию» еще несколько десятилетий), Николай оказался мало подготовлен к управлению страной в переломную эпоху.

Он унаследовал от отца идею твердой самодержавной власти, абсолютной монархии. «Хозяин земли русской», — отвечает он на вопрос о роде занятий во время всероссийской переписи населения (1897). *Бессмысленными мечтаниями* называет он в одной из речей (1895) надежды на участие в управлении страной выросшего после крестьянских реформ общества (это была многозначительная оговорка, в тексте речи стояло: «беспочвенные мечтания»).

Но по своему характеру и воспитанию Николай мало отвечал взятой на себя роли. С. Ю. Витте, один из са-

мых полезных (и нелюбимых царем) деятелей второй Николаевской эпохи, бывший и министром финансов, и председателем Кабинета министров, снисходительно утверждал, что император обладал «средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства». Похожее впечатление сложилось и у лишь мельком увидевшего царя его простого подданного, но великого писателя. «По какому-то поводу зашел разговор о Николае II. Антон Павлович (Чехов. — И. С.) сказал: „Про него неверно говорят, что он больной, глупый, злой. Он — просто обыкновенный гвардейский офицер. Я его видел в Крыму. У него здоровый вид, он только немного бледен“» (С. Л. Толстой. «Очерки былого»).

«Закон самодержавия таков: / Чем царь добрей, тем больше льется крови. / А всех добрей был Николай Второй», — горько иронизировал поэт М. А. Волошин уже после гибели императора («Россия», 1924). Неполадки в хозяйстве гвардейского офицера начались сразу же после восшествия на престол, а через несколько лет оно и вовсе пошло вразнос.

Начало нового царствования ознаменовала *Ходынка*. Во время коронации в Москве (1896) по недосмотру полиции на Ходынском поле во время раздачи дешевых царских подарков было затоптано, задушено, изувечено около трех тысяч человек. Император узнал об этом, но торжественный обед и вечерний бал не были отменены. («Одна капля царской крови стоит дороже, нежели миллионы трупов холопов», — через несколько лет запишет в дневнике верная жена, императрица Александра Федоровна.)

Следующим символическим образом царствования стало *Кровавое воскресенье*. 9 (22) января 1905 года петербургские рабочие отправились к Зимнему дворцу с петицией царю-батюшке, но мирная демонстрация была расстреляна (погибло несколько сотен человек). Император отметил в дневнике: «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны

были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых». Кто отдал приказ, почему войска «должны были стрелять», так и осталось неясным. Но имя российского самодержца было связано и с этой трагедией.

Для отвлечения внимания от внутренних проблем была затеяна «маленькая победоносная война» с Японией (1904–1905). Однако, несмотря на героизм простых солдат и офицеров (от этой эпохи остались песня о гордом «Варяге» и вальс «На сопках Маньчжурии»), она завершилась унижительным поражением огромной империи, потерей флота и южной части Сахалина (корни «территориального вопроса», который и сегодня не могут решить Россия и Япония, уходят в самое начало XX века).

17 (30) октября 1905 года под давлением обстоятельств царь вынужден был подписать манифест, даровавший русскому обществу «незыблемые основы гражданской свободы». В России появилось представительное учреждение (Государственная дума), была отменена цензура. Страна двинулась по пути конституционной монархии. Однако это уже не остановило первую русскую революцию, которая бушевала в империи около двух лет (1905–1907).

После ее подавления-затухания Николай II снова пытался править самодержавно. Два первых состава Государственной думы были распущены, наиболее активные и талантливые государственные деятели (причем сторонники самодержавия) отстранялись от власти, а на смену им приходили люди неумелые, но послушные. Царь и правительство все больше теряли опору в обществе. «Можно спросить, есть ли у правительства друзья? И ответить совершенно уверенно: нет. Какие же могут быть друзья у дураков и олухов, у грабителей и воров», — с глубокой болью записывает в дневнике А. С. Суворин, консерватор, крупный издатель, многолетний собеседник Чехова (14 ноября 1904 г.).

1 сентября 1911 года в киевском театре, в антракте представления, на котором присутствовал и царь, был

смертельно ранен П. А. Столыпин, один из самых полезных государственных деятелей эпохи. С его именем многие писатели и историки связывают возможность иного, эволюционного, а не революционного развития России. Столыпину принадлежат знаменитые слова, произнесенные в Государственной думе 10 мая 1907 года в споре с либеральными депутатами: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия» (они будут написаны на памятнике в Киеве, который установят в 1913-м и разрушат в 1917 году).

Однако в российской власти и обществе оставалось все меньше людей, которые могли и хотели противостоять великим потрясениям. И страна не сумела отстраниться от великих потрясений в Европе.

Мировая война: крушение империи

15 (28) июня 1914 года в Сараеве сербским студентом-террористом были убиты наследник австро-венгерского престола и его жена. С этих провокационных выстрелов начинается четырехлетняя мировая война, в которой погибнут миллионы (современники еще не знают, что она — *первая* и не самая кровавая). 19 июля (1 августа) 1914 года Германия объявляет войну России. Империя вместе со многими европейскими странами втягивается в совершенно ненужную ей и бессмысленную мировую бойню.

Немцы «начали первыми». Война на какое-то время вызывает всеобщее воодушевление и иллюзию единства самодержца и подданных, государства и общества. Государственная дума почти в полном составе (кроме социал-демократов) голосует за военные кредиты. Забастовки рабочих прекращаются. Земские органы помогают в мобилизации и медицинском обеспечении армии. Поэты сочиняют патриотически-воодушевляющие стихи, хотя, как и многие интеллигенты, они освобождены от мобилизации (из крупных русских писателей XX века в Первой мировой войне активно участвовали лишь

Н. С. Гумилев и М. М. Зощенко). Даже Игорь Северянин забывает об «ананасах в шампанском» и пишет «Поэзу возмущения», в которой клянётся именами Гёте и Шиллера и угрожает германскому императору Вильгельму возмездием, в сущности — революцией:

Предатель! мародер! воитель бесшабашный!
Род Гогенцоллернов навек с тобой умрет...
Возмездия тебе — торжественный и страшный
Народный эшафот!

(«Поэза возмущения», август 1914)

Однако такие настроения продержались недолго. Уже в начале войны русская армия потерпела страшное поражение на территории Восточной Пруссии (нынешняя Калининградская область). На фронте не хватало снарядов и патронов. Тысячи беженцев заполнили центральные районы страны. Обнаружилось, что Россия (как и другие европейские страны) не готова к продолжительной войне и, самое главное, не понимает ее цели и смысла.

Иллюзии национального единения (образцом здесь была Отечественная война 1812 года) быстро исчезают. Эта война в еще большей степени, чем революция 1905 года, раскалывает, дробит русское общество. Ненависть меняет адрес, направляется не на внешнего врага, а на *врага внутреннего*, которого либеральные деятели видят в самодержавии, правительстве, торговцах-спекулянтах, генералы и чиновники — в смутьянах-большевиках и либералах, младшие офицеры — в бездарных генералах, призванные под ружье мужики — в офицерской муштре и требовательности, не позволяющей им вернуться домой.

На квасной патриотизм Игоря Северянина и других казенных патриотов словно отвечает Владимир Маяковский:

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванную и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
вычитывать из столбцов газет?!

Знаете ли вы, бездарные, многие,
думающие, нажраться лучше как, —
может быть, сейчас бомбой ноги
выдрало у Петрова-поручика?..

Если б он, приведенный на убой,
вдруг увидел, израненный,
как вы измазанной в котлете губой
похотливо напеваеете Северянина!

(«Вам!», 1915)

Затянувшаяся война вела к главному катастрофическому следствию. Разрушение нравственных норм, *крушение гуманизма* из отвлеченной теории становится обыденной практикой. Уставшие, отчаявшиеся миллионы простых людей привыкают к тому, что все вопросы решаются насилием, убийством, кровью. Получив в руки оружие, они могли использовать его по собственному усмотрению.

Пытаясь лично повлиять на ход военных действий, император Николай совершает очередную, как считают многие историки, роковую ошибку. В 1915 году он возлагает на себя обязанности Верховного главнокомандующего и отправляется в ставку в Могилев. Теперь все военные неудачи прямо связываются с царем, в то же время в отдалении от Петрограда (город потерял «немецкое» название в патриотическом ажиотаже, сразу после начала войны) он все хуже понимает положение, в котором оказалась Россия. Предупреждения о надвигающейся революции Николай называет «вздором» даже за несколько дней до нее.

Когда в феврале 1917 года известие о беспорядках в столице достигает Могилева, императорский поезд отправляется в путь, но застревает недалеко от Пскова на станции Дно: солдаты не пропускают его. 2 (15) марта 1917 года во Псков прибывают два члена Государственной думы (по иронии судьбы — монархисты), и Николай II пишет и передает им текст отречения от престола. Так внезапно и прозаически прекращается правление династии Романовых, трехсотлетие которой праздновали совсем недавно, накануне войны (1913).

«Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. (...) Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего. Остался подлый народ, из коих вот один, старик лет 60-ти, „и такой серьезный“, Новгородской губернии, выразился: „из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть“. Т. е. не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо по-русски вырезывать из его кожи ленточка за ленточкой. И что ему царь сделал, этому „серьезному мужичку“, — горько сокрушался философ-консерватор, монархист В. В. Розанов. Однако и он вынужден был произнести слова о «прогнившем насквозь Царстве».

Розанов обвинял в происшедшем прежде всего русскую литературу, которая бесконечно критиковала государство и идеализировала русский народ: «Вот и Достоевский... Вот тебе и Толстой, и Алпатыч, и „Война и мир“» («Апокалипсис нашего времени», 1917–1918).

Однако другой писатель, между прочим очень ценивший Розанова, высказывает прямо противоположное мнение. М. М. Пришвин узнает от прислуги писателя А. М. Ремизова, неграмотной белоруски Насти, «новость» о гибели России, которую она, видимо, подхватила в уличных разговорах от какого-то «однотумца» Розанова. «Есть, — отвечает, — Россия погибает. — Неправда, — говорим мы ей, — пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет». Прислуга с трудом заучивает незнакомые фамилии, называя Толстого «Леу» и принимая за него появляющихся в доме поэтов М. Кузмина и Ф. Сологуба. Через несколько дней история продолжается. «Как-то на улице против нашего дома собрался народ и оратор говорил народу, что Россия погибнет и будет скоро германской колонией. Тогда Настя в своем белом платочке пробилась через толпу к оратору и остановила его, говоря толпе: „Не верьте ему, товарищи, пока с нами Леу Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет“» (Дневник. 30 декабря. 1917 г.).

Для одних русская литература была причиной гибели России, для других — надеждой на возрождение. Но

и в том и в другом случае на Слово возлагались огромная вина или надежда.

В. В. Набоков, писатель-эмигрант, эстет, сын министра Временного правительства В. Д. Набокова, подарит герою романа «Дар» (1937–1938) полный «безвкусного соблазна» и все-таки соблазнительный каламбур, соединяющий царствование деда и внука, вину и возмездие в истории пореформенной России: «Он живо чувствовал некий государственный обман в действиях „Царя-освободителя“, которому вся эта история с дарованием свобод очень скоро надоела; царская скука и была главным оттенком реакции. После манифеста стреляли в народ на станции Бездна — и эпиграмматическую жилку в Федоре Константиновиче щекотал безвкусный соблазн, дальнейшую судьбу правительственной России рассматривать как перегон между станциями Бездна и Дно».

Историки, уже почти век разбираясь в случившемся, объясняют и недоумевают: «Когда Николай II отправился наконец из Могилева в Петроград, он был остановлен на станции Дно. Символичность станционных названий усиливает иррациональный характер происшедшего. Историки убедительно доказали, что в России имелись все условия для революции: нежелание продолжать войну, разложение императорского двора, рост пролетариата и его требований, окостеневшие рамки старого режима, мешавшие молодой буржуазии. Никто, однако, не доказал, что самодержавие должно было рухнуть без сопротивления в феврале 1917 г.» (М. Геллер. «История Российской империи»).

В ситуации неопределенности, иррациональности, может быть, стоит прислушаться к простому и мудрому объяснению поэта:

Вселенский опыт говорит,
Что погибают царства
не оттого, что тяжек быт
или страшны мытарства.
А погибают оттого

(и тем больней, чем дольше),
что люди царства своего
не уважают больше.

(Б. Окуджава.

«Вселенский опыт говорит...»,
1968)

Тысячелетнее «царство-государство» (если отсчитывать время с Древней Руси) и трехсотлетняя династия в начале Настоящего Двадцатого Века окончательно потеряли уважение своих подданных. Поэтому они должны были погибнуть. Не в феврале, так в марте или апреле. Однако совсем скоро обнаружилось, что это не принесло людям скорого счастья.

1917: клячу истории загоним

Карл Маркс считал революции локомотивами истории. В 1917 году Россия стремительно сменила два локомотива. «Вселенский опыт», однако, говорит, что эти поезда не всегда везут в нужном направлении. *Дно* оказалась концом одного и началом нового отрезка исторического пути. «Когда мы наконец достигли дна, снизу постучали», — словно по этому поводу горько пошутил польский афорист С. Е. Лец. Конечная станция революционного локомотива весной 1917-го мало кому была видна.

События февраля-марта 1917 года были *буржуазно-демократической революцией*. После отречения от престола Николая и отказа от власти его ближайших родственников Россия стала республикой, едва ли не самой свободной страной в мире. Революция произошла не только мгновенно, но и практически бескровно. Ее приветствовали и принимали практически все общественные группы и слои, рабочие, военные, интеллигенты.

Герой романа Ю. В. Трифонова «Старик» (1978), одного из лучших произведений, посвященных советской истории, встречает весну 1917 года гимназистом: «А первые дни — март, пьяная весна, тысячные толпы на мок-

рых, в раскисшем снегу петроградских проспектах, блуждание от зари до зари. <...> ...и полная свобода от всего, от всех! В школу можно не ходить, там сплошные митинги, выборы, обсуждение „школьной конституции“, Николай Аполлонович вместо лекции о великих реформах рассказывает о французской революции, и в конце урока мы разучиваем „Марсельезу“ на французском языке, и у Николая Аполлоновича на глазах слезы».

Далее в романе рассказан эпизод из школьной жизни. На уроке анатомии должны препарировать крысу. Но учрежденный после революции ученический совет устраивает собрание с обсуждением ее судьбы. На нем одни ученики, забыв о несчастной крысе, рассуждают об исторической целесообразности и Парижской коммуне. Другие яростно отстаивают права обреченной Фени (у крысы даже есть имя): «Великие цели требуют жертв! Но жертвы на это не согласны! А вы спросите у крысы! А вы пользуетесь немотой; если бы она могла говорить, она бы ответила!»

Вопрос решается демократическим голосованием: крыса помилована, «несостоявшуюся жертву науки» выносят во двор и выпускают из клетки. «Немного омрачает настроение финал: наша Феня, оказавшись на воле, сбита с толку, зазевалась, и ее тут же хватает какой-то пробегающий по двору кот...»

В этом нелепом, по видимости, эпизоде Трифонов тонко демонстрирует иронию истории. Справедливость демократически восторжествовала всеобщим голосованием, но крыса не успела воспользоваться ее результатами и все равно погибла. Идея и реальность, намерения и результаты драматически не совпали. Такой оказалась судьба не только крысы Фени, но и Февральской революции.

После отречения Николая было сформировано Временное правительство, состоявшее из крупных промышленников, профессоров, известных земских деятелей. В конце концов его возглавил А. Ф. Керенский (1881–1970), адвокат, активный участник революционного дви-

жения, производивший на толпу магнетическое действие. Одновременно был создан Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, ведущую роль в котором играли большевики. В стране установилось опасное двоевластие, хотя основная тяжесть управления лежала на Временном правительстве.

Движение по инерции продолжалось в прежнем направлении: новая власть выступала за войну до победного конца, солдаты гибли на фронте, спекулянты жирели в тылу, крестьяне мечтали о помещичьей земле, большевики, руководствуясь идеями Маркса, грезили о социалистической революции, после которой власть перейдет в руки пролетариата.

В апреле 1917 года в Россию из долгой эмиграции прибывает В. И. Ленин и выдвигает идею перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Летом Временное правительство неуверенно пытается справиться с большевиками, Ленин скрывается в Финляндии, у озера Разлив.

Блестящий оратор, Керенский оказался плохим политиком. Новая демократическая власть теряет доверие еще быстрее, чем власть царская. Путь, который у императорской власти занял триста лет, Временное правительство прошло за десять месяцев. Когда в октябре 1917 года большевистская партия начинает подготовку вооруженного восстания, у Временного правительства не остается защитников. Зимний дворец, где заседают министры во главе с Керенским, остается практически беззащитным. Взятие Зимнего 25 октября (7 ноября) 1917 года, которое считается главным, символическим событием *Великой Октябрьской социалистической революции*, было простым и легким: вооруженные солдаты и матросы, почти не встречая сопротивления, вошли во дворец, арестовали министров Временного правительства и отправили их в Петропавловскую крепость.

В «октябрьской поэме» «Хорошо!» (1927) В. В. Маяковский плакатно изобразит эту революцию как мгновенное перерождение, скачок в другое историческое время.

В начале шестой главы дует ветер, мчатся автомобили и трамваи еще «при капитализме», а в конце, после штурма Зимнего, «гонку свою продолжали трамы / уже — при социализме». Еще раньше, в «Левом марше» (1918), поэт радостно выкрикивает: «Тише, ораторы! / Ваше / слово, / товарищ маузер. / Довольно жить законом, / данным Адамом и Евой. / Клячу истории загоним. /левой! /левой! /левой!»

Но, глядя из исторического далека, трифоновский герой видит в происходящем не радость победы, а очередной акт трагедии: «Голодное, странное, небывалое время! Все возможно, и ничего не понять. {...} Столько людей исчезло. Наступает великий круговорот: людей, испытаний, надежд, убивания во имя истины. Но мы не догадываемся, что нам предстоит».

СССР: наступления и отступления советской власти

Первые декреты (постановления) советской власти отвечали многолетним ожиданиям: это были «Декрет о земле» и «Декрет о мире». Крестьяне наконец получили в собственность землю, которую они давно считали своей; одновременно помещичьи и церковные земли были объявлены государственной собственностью. В большинстве своем те же крестьяне, одетые в солдатские шинели, наконец-то услышали о возможном прекращении войны и возвращении домой (Временное правительство, как мы помним, выступало за продолжение войны до полной победы).

Большевики старались не повторять ошибок предшественников. Они не только выдвинули лозунг *диктатуры пролетариата* (которая на самом деле оказывалась диктатурой захватившей власть большевистской партии), но осуществляли его железом и кровью.

Уже через два дня после Октябрьской революции появился «Декрет о печати»: новая власть получила возможность закрывать «контрреволюционные» и просто

«сеющие смуту» издания. «Как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены...» — обещал декрет. Исполнения этого обещания пришлось ожидать 72 года: цензура в СССР отменяет лишь в 1989 году.

7 (20) декабря 1917 года была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Это был карающий и бесконтрольный орган новой власти. Дискуссии о судьбе не только подопытной крысы, но многих, в том числе широко известных, людей прекратились. ВЧК делала ставку на красный террор, объектом которого становились и противники советской власти, и случайные жертвы.

Октябрьская революция была провозглашена началом новой эры в истории человечества. Но наиболее пронизательные наблюдатели, в том числе те, кто активно боролся с самодержавием, отмечали иное: сходство способов управления и поведения старой и новой власти. М. А. Волошин в большом стихотворении «Северо-восток» (1920), входящем в цикл с символическим заглавием «Усобица», называет «первым большевиком» Петра I и выводит общий знаменатель русской истории:

Что менялось? Знаки и возглавья.
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах — дурь самодержавья,
Взрывы революции в царях.

Вопреки заявленным лозунгам о диктатуре пролетариата даже персональный принцип правления в новом обществе в целом сохранился. Периоды советской истории часто называются по именам не императоров, а руководителей партии. Эпохи царей сменились эпохами генеральных секретарей.

Существенную роль в революции и последующих событиях играли Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, Я. И. Свердлов. Но в конце концов главной фигурой произошедших событий, первым *вождем* был объявлен (во многом —

заслуженно) В. И. Ленин (1870–1924), председатель СНК (Совета народных комиссаров) по своей формальной должности.

Ленинская эпоха была первой «самодержавной» эпохой в новой советской истории, сменившей эпоху Николая II.

От самодержавия и Временного правительства большевики получили тяжелое наследство: затянувшуюся войну, расстроены хозяйство и управление, распадающееся государство, привычку многих людей разрешать конфликты силой оружия. К этой неизбежной послереволюционной анархии добавились новые проблемы. Вера в марксистские теории заставила новую власть отказаться от денег и перейти к прямому распределению товаров и продуктов. Политика *военного коммунизма* привела к трудностям снабжения и голоду в крупных городах.

Жестокость расправы с противниками, красный террор, соответственно, провоцировал террор белый. Почти бескровная революция (встретившая вооруженное сопротивление лишь в Москве) почти сразу переросла в четырехлетнюю Гражданскую войну (1917–1922), завершившуюся много позже мировой войны (1918). Большевики выиграли эту войну не только силой. В борьбе с белой идеей они сумели привлечь на свою сторону огромное большинство населения страны, прежде всего — молодежь, воодушевить его великой целью: идеей мирового братства и социальной справедливости.

Особенно важна в данном случае точка зрения не победителей, а побежденных, которые тем не менее пытались объективно взглянуть на смысл произошедшего исторического переворота.

Высланный из России в 1922 году философ Ф. А. Степун (1884–1965), активный участник мировой войны и революции, через много лет признавался: «С эмигрантской памятью трудно бороться, но не будем слишком строги к ней: без приукрашивания прошлого многим из нас не вынести бы своего настоящего. Но не будем так

же и поддаваться обманчивым воспоминаниям: в малой дозе яд целебен, в большой — смертоносен. Скажем поэтому просто и твердо: хорошо мы жили в старой России, но и грешно». Главный результат революции Степун видит в том, что «Октябрь войдет в историю существеннейшим этапом на пути окончательного раскрепощения русского народа», что после него исчезает «разница между людьми высших классов и многомиллионным массивом народа» («Бывшее и несбывшееся», 1947–1950, т. 1, гл. 1).

В. Т. Шаламов (1907–1982), автор «Колымских рассказов», почти два десятилетия просидевший в лагерях, подводя итоги своей жизни, тем не менее так и не отказался от идеалов юности, совпавшей с началом советской эпохи. Он вспоминал и размышлял: «Я был участником огромной проигранной битвы за действительное обновление жизни. Такие вопросы, как семья, жизнь, решались просто на ходу, ибо было много и еще более важных задач. Конечно, государство никто не умел строить. Не только государство подвергалось штурму, яростному беззаветному штурму, а все, буквально все человеческие решения были испытаны великой пробой.

Октябрьская революция, конечно, была мировой революцией.

Каждому открывались такие дали, такие просторы, доступные обыкновенному человеку! Казалось, тронь историю, и рычаг повертывается на твоих глазах, управляется твоею рукою. Естественно, что во главе этой великой перестройки шла молодежь. Именно молодежь впервые призвана была судить и делать историю. Личный опыт нам заменяли книги — всемирный опыт человечества. И мы обладали не меньшим знанием, чем любой десяток освободительных движений. Мы глядели еще дальше, за самую гору, за самый горизонт реальностей. Вчерашний миф делался действительностью. Почему бы эту действительность не продвинуть еще на один шаг дальше, выше, глубже. Старые пророки — Фу-

рье, Сен-Симон, Мор — выложили на стол все свои тайные мечты, и мы взяли.

Все это потом было сломано, конечно, оттеснено в сторону, растоптано. Но в жизни не было момента, когда она так реально была приближена к международным идеалам. То, что Ленин говорил о строительстве государства, общества нового типа, все это было верно, но для Ленина все было более вопросом власти, создания практической опоры, для нас же это было воздухом, которым мы дышали, веря в новое и отвергая старое» («Москва 20–30-х годов», 1970-е гг.).

Ленинская эпоха продлилась недолго. Важным ее итогом был не только *переход к новой экономической политике, нэпу* (1921), но и *создание Союза Советских Социалистических Республик, СССР* (1922). Ленин как политик умел признавать ошибки и смиряться с исторической необходимостью. Выступая с лозунгами о праве наций на самоопределение и скорой мировой революции, он фактически начал воссоздавать сильное многонациональное государство в границах той же империи.

В том же году Ленин заболел и практически (за два года до смерти) был отстранен от власти. Сразу после смерти он был объявлен великим и непогрешимым вождем, фактически обожествлен, но одновременно идея «возвращения к ленинским заветам» вдохновляла многих людей самых противоположных убеждений. Первый советский вождь остается одной из самых значительных и противоречивых фигур нашей истории, спор об историческом значении которой еще не закончен.

К середине 1920-х годов новая власть укрепилась и могла подумать о дальнейшем пути. Вторая половина 1920-х годов оказывается в СССР временем относительной свободы. В стране активно ведутся общественные и партийные, религиозные и литературные дискуссии.

Большой интерес, например, вызывают публичные диспуты на тему «Бог ли Христос?» между наркомом

просвещения А. В. Луначарским и отошедшим от официальной церкви священником-«обновленцем» А. И. Введенским. В. Т. Шаламов вспоминает финал одной из таких встреч, за которой наблюдал переполненный театральный зал.

«Введенский в своем заключительном слове... сказал: „Не принимайте так горячо к сердцу наши споры. Мы с Анатолием Васильевичем большие друзья. Мы — враги только на трибуне. Просто мы не сходимся в решении некоторых вопросов. Например, Анатолий Васильевич считает, что человек произошел от обезьяны. Я думаю иначе. Ну что ж — каждому его родственники лучше известны“.

Аплодисментам, казалось, не будет конца. Все ждали заключительного слова Луначарского, как он ответит на столь удачную остроту. Но Луначарский оказался на высоте — он с блеском и одушевлением говорил: да, человек произошел от обезьяны, но, поднимаясь со ступеньки на ступеньку, он далеко опередил животный мир и стал тем, что он есть. И в этом наша гордость, наша слава!» («Начало», 1962).

Через несколько лет после Гражданской войны восстанавливаются связи с эмиграцией. Некоторые эмигрантские идеологи выдвигают идею *смены вех*, выступают за примирение с советской властью, которая, как им кажется, должна переродиться и восстановить имперскую Россию под новыми лозунгами. В среде эмиграции появляются мечтатели-«возвращенцы», а советская власть активно (хотя, как потом обнаружилось, лицемерно) поддерживает их в этом стремлении (сценой возвращения на родину заканчивается пьеса М. А. Булгакова «Бег»).

Не случайно в этих условиях, в насыщенном кислородом воздухе надежд и ожиданий, были написаны или, по крайней мере, задуманы и начаты наиболее значительные произведения русской литературы XX века: романы М. А. Булгакова, М. А. Шолохова и А. П. Платонова, новеллы И. Э. Бабеля и М. М. Зощенко, стихотво-

рения О. Э. Мандельштама, Б. Л. Пастернака, В. В. Маяковского, С. А. Есенина.

На рубеже 1920–1930-х годов общественная атмосфера резко меняется. Внутрипартийные дискуссии оканчиваются разгромом всяческих оппозиций и утверждением безграничной власти И. В. Сталина (генеральным секретарем ВКП (б) он был избран в 1922 году, еще при жизни Ленина). Мало заметный в предшествующих революционных событиях, он дискредитирует многих соратников (Л. Д. Троцкого в 1929 году высылают за границу, а в 1940 году убивают в Мексике; Н. И. Бухарина, Л. Д. Каменева и других «старых большевиков» расстреливают как «врагов народа» после сфабрикованных судебных процессов конца 1930-х годов) и становится «наследником Ленина», единоличным вождем, «отцом народов».

Эпоха Сталина (1922–1953) — почти половина срока существования Советского государства. Ее кульминация приходится на 1930-е годы. С одной стороны, это время «построения социализма в одной стране»: ускоренной индустриализации, трудовых подвигов, сверхдальних полетов советских летчиков и полярных экспедиций, расширения образования.

Но ценой советских побед были голод, во многом вызванный коллективизацией, преследования представителей «правящих классов», возведение «железного занавеса» между СССР и остальным миром. Кульминацией изнаночной стороны сталинского правления стал Большой террор 1934–1938 годов: аресты, высылки, расстрелы, жертвами которых стали несколько миллионов советских людей. В результате сталинских непрерывных репрессий возникает огромная сеть лагерей, тот самый «Архипелаг ГУЛАГ», который позднее А. И. Солженицын сделает заглавием своей книги и символическим воплощением сталинской эпохи.

Даже в таких условиях люди сохраняли способность смеяться. Уже в 1930-е годы возник горький анекдот (за его рассказывание вполне можно было получить тю-

ремный срок). В огромном здании на Лубянской площади в Москве (оно существует и поныне), где до революции было страховое общество «Россия», располагался НКВД (Народный комиссариат внутренних дел), сменивший в 1934 году в качестве карательного органа ВЧК-ГПУ. «Теперь здесь, наверное, Госстрах? — спрашивает приезжий. — Нет, теперь здесь Госужас, — отвечает москвич».

В романе «Жизнь и судьба» (1960) именно это слово В. С. Гроссман делает символом эпохи: «Но почему, почему, неужели страх?»

Люди умеют преодолевать страх — и дети идут в темноту, и солдаты в бой, и парень делает шаг и прыгает с парашютом в бездну.

А этот страх особый, тяжелый, непреодолимый для миллионов людей, это тот, написанный зловещими, переливающимися красными буквами в зимнем свинцовом небе Москвы, — Госстрах...» (ч. 2, гл. 39).

Сталинские преступления для потомков так очевидны, что у многих возникает искушение увидеть в нем обычного злодея. Однако с советским вождем уважительно, на равных вели переговоры крупнейшие политики мира. Он привлекал и восхищал многих, даже очень значительных и проницательных, писателей в СССР и на Западе. О нем с симпатией или восхищением в разное время писали Л. Фейхтвангер и Б. Шоу, М. А. Булгаков и Б. Л. Пастернак.

Проблема в том, как соотнести позднейшие оценки с этими взглядами? Юные пионеры, которые с высоты своего незнания высокомерно поучают больших ученых, — привычный сюжет как раз сталинской эпохи.

«Гений и злодейство — две вещи несовместные», — утверждает пушкинский Моцарт (так, видимо, думал и его творец). Но и раньше, и позже находилось множество других художников, оспаривающих эту нравственную максиму Пушкина.

Вопрос о *гении и злодействе* в политике еще более сложен, чем в литературе и искусстве.

Содержание

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК: ОТ РОССИИ ДО РОССИИ

Календарь и история: короткий XX век	5
Россия: последние годы императорской власти	7
Мировая война: крушение империи	11
1917: клячу истории загоним	16
СССР: наступления и отступления советской власти	19
Великая Отечественная война: горькое величие Победы ...	27
Оттепель: точка поворота	31
Застой: потеря десятилетия	34
1991: новая Россия	35
История и литература: «Добро!» поэта	36

Серебряный век: лики модернизма (1890–1910-е гг.)

Имя и оценки: ренессанс или упадок?	39
Эволюция: декаданс — модернизм — авангард	44
Символизм: окно в вечность	50
Акмеизм: от символа к вещи	62
Футуризм: от символа к слову	72
Новый реализм: архаисты и новаторы	82
Итоги: направление и произведение	89

Александр Александрович Блок (1880–1921)

Филолог: ректорский флигель и шахматовский дом	91
Поэт: Прекрасная Дама и лиловые миры	96

Содержание

Мыслитель: крушение гуманизма и веселое имя	
Пушкин	102
Основные даты жизни и творчества	111
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ БЛОКА	
Лирический герой: лицо и маски	113
Путь: трилогия вочеловечения	114
Книга первая: мгновения слишком яркого света	117
Книга вторая: пузыри земли и город-призрак	121
Книга третья: все сущее — увековечить	127
«ДВЕНАДЦАТЬ» (1918)	
Мир: белое, черное, красное	135
Жанр: частушка и «киношка»	138
Двенадцать: разбойники или апостолы?	141
Петька с Катюшкой: жестокий романс и трагедия	143
Исус Христос: за и против	146
Иван Алексеевич Бунин (1870–1953)	
До: праведник среди грешников	149
Революция: окаянные дни	155
После: летописец русской Атлантиды	157
Основные даты жизни и творчества	162
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР БУНИНА	
Реализм: социальное и вселенское	163
«Листопад» и «Одиночество»: поэзия как проза	167
«Антоновские яблоки»: проза как поэзия	171
«Господин из Сан-Франциско»: сатира и притча	174
«Темные аллеи»: грамматика любви	179
Максим Горький (1868–1936)	
Нижегородский «босяк»: путь к вершинам	188
Новые герои: Челкаш, Ларра, Данко	194
Петроградский еретик: борьба за гуманизм	203
Московский пленник: максимально горькая эпоха	209
Основные даты жизни и творчества	217

Содержание

«НА ДНЕ» (1902)

Герои: босяки как философы	218
Мир: ночлежка и пещера Платона	221
Жанр: социальная или философская драма?	225
Смысл: правда или сострадание?	227
Судьба: спор героя и автора	234

Советский век: две русские литературы или одна? (1920–1930-е гг.)

Литература и революция: поэты и вожди	238
Литература в СССР: пролетарские писатели, попутчики и ничевоки	242
Поэзия и проза: образы эпохи	254
Литература в эмиграции: в изгнании или в послании?	259
Социалистический реализм: миф или реальность?	264
Литература и власть: мартиролог XX века	268

Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930)

Футуризм: желтая кофта	272
ЛЮБ: история любви	278
Социализм: красное знамя	283
Финал: точка пули	291
Основные даты жизни и творчества	298

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ МАЯКОВСКОГО

Как делать стихи: формула крика	300
«Обнакавленный великан»: громада-любовь — громада-ненависть	308
Будетлянское будущее: Мы и Я	315

Сергей Александрович Есенин (1895–1925)

Путь наверх: рязанский Лель	327
Жизнь наверху: знаменитый русский поэт	336
Основные даты жизни и творчества	344

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ ЕСЕНИНА

Златая Русь: мир как миф	346
Лирический герой: от инока к хулигану	350
Мечтатель на Руси советской: жалость, любовь, смерть . . .	354

**Михаил Александрович Шолохов
(1905–1984)**

Вёшенский самородок: стремя «Тихого Дона»	362
Советский писатель: бремя великой книги	369
Шолоховский вопрос: истина и вера	372
Основные даты жизни и творчества	374

«ТИХИЙ ДОН» (1925–1940)

Казацкий эпос: между Толстым и Гомером	376
Григорий и Аксинья: любовь во время чумы	381
Война и революция: в годину смуты и разврата	385
Казачий Гамлет: на грани света и тьмы	393

**Осип Эмильевич Мандельштам
(1891–1938)**

В мире державном: самолюбивый, скромный пешеход . . .	403
В ночи советской: неизвестный солдат	409
Основные даты жизни и творчества	418

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ МАНДЕЛЬШТАМА

Утро акмеизма: камень и культура	420
Прямая речь: земля и воздух	425

**Анна Андреевна Ахматова
(1889–1966)**

Царскосельская ода: акмеистская Ева	431
Северная элегия: тихая Кассандра	437
Ленинградская трагедия: великая душа	441
Основные даты жизни и творчества	448

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ АХМАТОВОЙ

Лирический роман: я научила женщин говорить	450
Реквием: я была тогда с моим народом	457
Историческая поэма: я голос ваш	461

**Михаил Афанасьевич Булгаков
(1891–1940)**

Скитания: гибель Дома	467
Противостояние: квартирный вопрос и писательская позиция	472
Сочинения: одинокий волк	478
Завещание: закатный роман	483
Основные даты жизни и творчества	485

«МАСТЕР И МАРГАРИТА» (1928–1940)

Роман мастера: добро и преданность, предательство и трусость	487
Московская дьяволиада: люди как люди	497
Роман о мастере: любовь и творчество	505
Финал: покой и память	509

**Марина Ивановна Цветаева
(1892–1941)**

Семейный альбом: мятежная юность	516
Красное и белое: перекричать разлуку	521
После России: за всех — противу всех!	527
Основные даты жизни и творчества	533

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ ЦВЕТАЕВОЙ

Голос: безмерность в мире мер	535
Путь: поэтика быта и поэтика слова	539

**Борис Леонидович Пастернак
(1890–1960)**

Вечное детство: выбор судьбы	547
Второе рождение: вакансия поэта	552
Главная книга: двойная жизнь	560
Основные даты жизни и творчества	566

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ ПАСТЕРНАКА

Сестра моя — жизнь: увиденная сложность	567
Когда разгуляется: неслышанная простота	573

Содержание

Советский век: на разных этажах (1940–1980-е гг.)

Литература и война: музы и пушки	580
Литературный процесс: от официоза до тамиздата	584
Литература и мир: образы эпохи	591
После XX века: -измы и тексты	604

Александр Трифонович Твардовский (1910–1971)

Основные даты жизни и творчества	610
--	-----

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ТВАРДОВСКОГО

Лирический эпос: судьба страны	611
Эпическая лирика: память и совесть	624

Александр Исаевич Солженицын (1918–2008)

Основные даты жизни и творчества	630
--	-----

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПРОЗЫ СОЛЖЕНИЦЫНА

Автор: теленок против дуба	631
Иван Денисович: день и жизнь	639

Василий Макарович Шукшин (1929–1974)

Основные даты жизни и творчества	648
--	-----

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПРОЗЫ ШУКШИНА

Шукшинский рассказ: история души	649
Шукшинский герой: судьба чудика	653
Шукшинский вопрос: душа болит	659

Николай Михайлович Рубцов (1936–1971)

Основные даты жизни и творчества	668
--	-----

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ РУБЦОВА

Истоки: меж Есениным и Тютчевым	669
Драма: печаль полей	672

Содержание

Владимир Семенович Высоцкий (1938–1980)

Основные даты жизни и творчества 680

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ ВЫСОЦКОГО

Люди: голоса и лицо 681

Время: злободневное и вечное 685

Слово: забулдыга-подмастерье 687

Юрий Валентинович Трифонов (1925–1981)

Основные даты жизни и творчества 693

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПРОЗЫ ТРИФОНОВА

Время и место: формула памяти. 694

Вечные темы: путешествие в себя 698

Сергей Донатович Довлатов (1941–1990)

Основные даты жизни и творчества 708

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПРОЗЫ ДОВЛАТОВА

Профессия: рассказчик 709

«Чемодан»: вещие вещи 715

Иосиф Александрович Бродский (1940–1996)

Основные даты жизни и творчества 724

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ЛИРИКИ БРОДСКОГО

От окраины к центру: рождественский романс 725

Конец перспективы: часть речи 733

ИТОГИ: РУССКИЙ МИР И РУССКОЕ СЛОВО 742

Приложение. ЯЗЫК РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

М. А. Булгаков 744

М. М. Зощенко 747

А. П. Платонов 751

М. А. Шолохов 754

Литературно-художественное издание

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ СУХИХ
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ВСЕХ
ОТ БЛОКА ДО БРОДСКОГО
Классное чтение!

Выпускающий редактор Алла Степанова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Валентина Гончар

Подписано в печать 21.12.2021. Формат издания 84 × 108 1/32.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 40,32.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака „Издательство КоЛибри“
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-CHM-29588-01-R